

Н. Н. КРЮЧКОВ

АРТЕМИЙ ПЕТРОВИЧ ВОЛЫНСКИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ

В статье рассматриваются обвинения в преступлениях, сопровождавшие кабинет-министра А.П. Волынского на протяжении его государственной карьеры. Далеко не все из приписываемых ему преступлений были доказаны, многие обвинения выдвигались в моменты опалы, чтобы окончательно дискредитировать соперника в борьбе за власть и близость к монарху.

Ключевые слова: *А.П. Волынский, государственная карьера, бюрократия, обвинения в коррупции, хищения, рукоприкладство.*

Петровские реформы – одна из наиболее ярких страниц в отечественной истории, исток современной европеизированной России. Однако, не отрицая заслуг императора-преобразователя, нельзя не упомянуть и его неудачную попытку изменить отношение чиновников к государственной службе. Веками складывающаяся привычка кормиться от дел была неистребима среди наследников старомосковских воевод, судей, дьяков и подьячих – практически неограниченная власть, слабость контроля за их действиями, а также отсутствие или недостаток жалованья соблазняли воспользоваться своим служебным положением. Уже законодательство XVI-XVII вв. квалифицировало взяточничество как преступление¹. Даже Петр I не смог искоренить взяточничество и лихоимство среди своих птенцов; если изредка суровые меры и применялись (например, казнь сибирского губернатора М.С. Гагарина), то они не достигали своих целей.

Коррупция как сознательное нарушение закона была нормой для всех представителей российской бюрократии — от рядовых копиистов и канцеляристов, до высших сановников, и если среди них и попадались люди, отличавшиеся неподкупностью и бескорыстием, то таких «белых ворон» было сравнительно немного. Ярким представителем высшей российской бюрократии является Артемий Петрович Волынский (1689-1740), выходец из древнего рода, знаменитый «птенец гнезда Петрова», талантливый администратор и дипломат, поднявшийся от солдата до кабинет-министра. Вместе с тем, неоднократно побывав под следствием

---

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 288-290, 304, 311, 336.

по обвинениям в различных лихоимствах — взяточничестве, воровстве, произволе, грубых физических расправах над нижестоящими лицами, он закончил свою карьеру на эшафоте. Попытаемся собрать воедино и проанализировать все разрозненные сведения о его преступлениях, мнимых или подлинных.

Практически все, кто писал о Волынском, так или иначе касались его преступлений, используя в основном анонимную «Записку об Артемии Волынском»², содержащую материалы из следственного дела, и очерк «Жизнь Волынского, его заговор и смерть»³ — отрывок из капитального труда профессора Йенского и Марбургского университетов Эрнста-Адольфа Германа “Geschichte des Russische Staates”. 3-5-й тома этой работы были посвящены истории петровской и послепетровской России и обильно цитировали найденные автором документы из дрезденских, лондонских и берлинских архивов, в том числе, донесения саксонских дипломатов при русском дворе, не находя, однако, нужным подвергнуть хотя бы элементарной критике содержащуюся в них информацию⁴. Так, подробная биография Волынского с описанием его преступлений почерпнута Германом из «Большого донесения» секретаря саксонского посольства Петцольда от 1 февраля 1741 г., т.е. составленного спустя полгода после казни Волынского. Более того, большинство преступлений, приписываемых Волынскому его «доброжелателями», относятся к 20-м гг. XVIII столетия. В этой связи надежность донесения Петцольда как источника вызывает большое сомнение.

Тем не менее, труд Германа подстегнул интерес к личности опального кабинет-министра и снабдил последующие поколения историков и публицистов компрометирующей Волынского информацией. Часть авторов, как например, И. Шишкин и К. Ярош, используя его сведения, в своих очерках развенчали сложившийся в художественной литературе «героический» образ Волынского, представив его в первую очередь преступником и лишь затем государственным деятелем⁵. Другие же, прежде всего А. Корсаков, не отрицая преступлений Волынского, подчеркивали, что выдающийся государственный деятель, «дитя своей эпохи» пал жертвой интриг политических противников⁶. Ряд исследовате-

---

² Записка об Артемии Волынском... (по всей видимости, она была составлена гр. Д.Н. Блудовым для имп. Николая I).

³ Герман. 1866. С. 1351-1373.

⁴ Уже в 60-е гг. XIX в. И. Чистович называл сведения Германа «баснями». См.: Дело Салникеева... С. 44-45, 78-79.

⁵ Шишкин. 1860; Ярош. 1893.

⁶ Корсаков. 1876-1877.

лей (например, С.М. Соловьев), описывая должностные преступления Волинского, не прибегают к информации Э.А. Германа⁷. Тем не менее, труд немецкого профессора остается востребованным и в наши дни: так, информацию о Волинском со ссылками на Германа приводит Н.И. Павленко в своих работах «Вокруг трона» и «Немцы при дворе»⁸.

Общим в изображении преступлений Волинского является хронологический разброс его проступков: зачастую подобные эпизоды используются биографами как «ложка дегтя» при описании блестящей карьеры кабинет-министра. Четкой классификации преступлений нет; причины преступлений рассматриваются вскользь, какой-либо анализ или элементарная критика, как правило, отсутствуют. Все вышеперечисленное побудило нас подвергнуть специальному исследованию преступления А.П. Волинского.

Согласно «Изображению о государственных безбожных таких преступлениях и злодейственных воровских замыслах Артемья Волинского», в 1740 г. Волинскому вменялись в вину самые различные преступления: «А при следствии чрез показанные бывшего его Волинского человека Василья Кубанца и других многих явился он виновен, в чем и сам признался, не токмо в бытность свою прежде кабинетным министром, но и прежде того в бессовестных злодейских взятках на многие тысячи деньгами, и на многие ж тысячи всякими вещами, не пощады самую новгородскую епархию, по смерти последнего той епархии архиерея, до определения нынешнего, взяв из оного самовластно запасов сена и прочего, что ему понадобится было многое число. В похищении и злоупотреблении в свою пользу немалого числа казенных денег и в прочих указом противных поступках и непорядках. В непорядочном возведении в чин и в таком же паки отставлении; в напрасных своеумышленных многих строениях и употреблении казенного строения и материалов в свою партикулярную пользу. Во употреблении к своим партикулярным работам разных мастеровых людей работников, не токмо из выше писанной Новгородской епархии но и из солдатства здешнего Санкт-Петербургского гарнизона мастеровых людей, которые в его доме работали чрез довольное время. Тако ж и в преждеучиненном им самовластным с подданных Ея Императорского Величества немалом денежном сборе и о взятке тех денег себе...»⁹. «Сверх всего вышеписанного еще на него Волинского показано многие другие злодейские

---

⁷ Соловьев. 1993.

⁸ Павленко. 1999; 2002.

⁹ РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 23 об.

указам противные поступки, как во взятках, в похищении и непорядочных расходах множественных казенных денег, так и особливо в произведениях его старанием многих неправедных и указом противных решений дел и в других важных преступлениях, о которых особливо от Ея Императорского Величества комиссиею исследовано будет...»¹⁰.

Таким образом, преступления, совершенные А.П. Волынским (или приписываемые ему) можно разделить на три группы: 1) рукоприкладство по отношению к подчиненным; 2) воровство и вымогательство; 3) злоупотребление служебным положением.

Первый случай рукоприкладства Волынского по отношению к нижестоящим чинам зафиксирован во время его возвращения из Персии. Проезжая через г. Петровск по дороге из Саратова на Пензу, Волынский очень рассердился на коменданта Ивинского за то, что тот выставил для него недостаточное количество подвод. Волынский велел бить своим приближенным коменданта толстыми палками, а сам (!) топтал его ногами, после чего двое суток держал «сковав в железа». При этом, согласно челобитной коменданта, Волынский вместо просимых по письму 250 подвод самовольно взял 450, при том, что ранее посольству Волынского уже было выделено 96 подвод¹¹. Впрочем, жалоба на Волынского успеха не имела: успех дипломатической миссии обеспечил тому благосклонность Петра I. Практика же избиения нижестоящих лиц после этого случая станет в дальнейшем для Артемия Петровича нормой.

История о другой кровавой расправе вошла в большинство биографических очерков и книг о Волынском, и ее впору назвать хрестоматийной. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что профессор Герман пересказывает донесение саксонского дипломата, которому в свою очередь рассказывали о злодее-Волынском «со слов очевидца, жившего в Астрахани во время губернаторства Волынского» (т.е. в начале 1720-х гг.). Суть происшествия такова. От своих шпионов Волынский узнал, что один купец, «давно уже терпевший от него разного рода оскорбления», дурно отозвался о его жене. Волынский зовет купца в гости, и последний, ничего не подозревая, с радостью является на приглашение. Но за обедом, едва купец сел на свое место, два гайдука Волынского, по приказу губернатора, начинают избивать его. После обеда незадачливого гостя раздевают донага, связывают и, обвязав кусками

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

¹¹ См.: «Жалоба петровского коменданта Андрея Ивинского на астраханского губернатора Артемия Волынского» в РГАДА Ф. 248 Кн. 196 Л. 185-191 об. (опубликована: РА 1865. С. 983-986).

сырого мяса, натравливают на него свору собак. В конце экзекуции купца посадили голым на снег, предварительно натерев его раны солью¹².

Указанная расправа известна лишь со слов Германа и не нашла отражения в официальных документах. Однако она вполне соответствует аналогичным поступкам Волынского во время его губернаторства в Астрахани. Так Военная коллегия отдала его под суд за истязание мичмана, князя Егора Мещерского: Волынский должен был сдать дела и вернуться в Петербург для расспросов. Суть дела состояла в том, что в бытность Волынского астраханским губернатором, он жестоко расправился с унтер-офицером. Князь Егор Мещерский жил в доме генерала Матюшкина, командующего низовым корпусом, в качестве домашнего шута, и позволял себе в пьяном виде дерзкие выходки и оскорбление губернатора и его семейства. Жалобы Волынского Матюшкину остались без ответа; впрочем, генерал передал Волынскому, что «...за дурака сердиться¹³. Мечь губернатора не заставила себя долго ждать: 17 декабря 1723 г. мичман был схвачен на улице и приведен к губернатору где его переодели в шутовской наряд, вымазав лицо несчастного сажей и вывернув его платье наизнанку. За ужином у Волынского Мещерского заставили осушить кубок вина, а когда он не смог сделать этого — избили, бросив на ночь в темницу. На другой день его посадили на «кобылу» в компании шута Волынского Ивана Кузьмина, привязав к ногам по живой собаке, а спустя некоторое время, предварительно раздев, посадили на лед, посыпанный солью, на час. Примечательно, что Мещерский в своем прошении пишет: «а хотя от него, губернатора, руганья и больше сего есть, токмо всего упомянуть не может в таком его ругании», что выглядит достаточно странным и не может не навести на мысль о характеристике жертвы, данной Волынским, что он «подлинной дурак и пьяница»¹⁴. Вместе с тем, Волынский, не отрицая своего рукоприкладства, в доношении от 19 января 1725 г. писал, что «принужден был поступать с ним не так как с унтер-офицером, но как с пьяницей и с дракуном (?)... понеже де он, оставя свое доброе звание, пошел добровольно в дураки для того, и он тако учинил над ним, как над дураком и непотребным человеком...»¹⁵. Адмиралтейств-коллегия считала, что самосуд Волынского не может быть оправдан, тем более что Мещерский не был подчинен-

---

¹² Герман. 1866. С. 1352.

¹³ Турбин. 1872. С. 951.

¹⁴ Там же. С. 950.

¹⁵ Там же. С. 951. «Драчун же, дракунья, дракунья (а Тамбове дракун и дракуха) — обыкновенный забияка, охотник драться с кем угодно...» (Толковый словарь Даля).

ным губернатора¹⁶. Несмотря на то, что в 1725 г. Волынского были сняты обвинения, в «Изображении о преступлениях» Волынского в 50 пункте значится дело об обидах князю Мещерскому¹⁷.

Широко известна расправа Волынского с поэтом В.К. Тредиаковским. «Прикормленный» врагом Волынского, обер-штальмейстером князем А.Б. Куракиным стихотворец Василий Кириллович Тредиаковский слагал и пускал в оборот насмешливые вирши об Артемии Петровиче. Именно ему принадлежит эпиграмма на Волынского:

*В отечество свое как прибыл некто вспять,
А не было его там почитай лет с пять:
То за все пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни равна по всему...¹⁸*

Самолюбивый кабинет-министр, разумеется, не мог простить автора произведения. Год спустя, при подготовке ледяной свадьбы Тредиаковскому было велено писать стихи на свадьбу шутов. Когда поэт не проявил должного рвения, Волынский избил его в присутствии «подлых людей». На другой день Тредиаковский задумал «пасть в ноги его высокогерцогской светлости» с жалобой на Волынского. На беду поэта в покоях герцога он встретился с Волынским. Разъяренный сановник, поняв, зачем пришел поэт к Бирону, избил его, вытолкнул из покоев временщика и отвез в маскарадную комиссию. Здесь экзекуция продолжилась: стихотворца избили палками, дав около сотни ударов. На другой день он обратился с рапортом в Академию Наук и был подвергнут медицинскому освидетельствованию. Сам виновник расправы большого значения этому инциденту не придавал, утверждая: «Я себя потешил и свое взял...»¹⁹.

Эта история стала широко известна при дворе. Ни для кого не были секретом причины ярости Волынского. По характеристике секретаря саксонского посольства Петцольда, «...Тредиаковский был предан семейству адмирала Головина и обер-штальмейстера князя Куракина, а с ними Волынский жил в соре и не пропускал случая давать им подобного рода доказательства своего расположения...»²⁰. Расправа над поэтом не только

¹⁶ Там же. С. 951.

¹⁷ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 32 об.

¹⁸ Цит. по: *Тредиаковский*. 1993. С.140. Кроме басни-эпиграммы «Самохвал» известны также «Ворона, чванящаяся чужими перьями», «Осел в львиной коже», однако точное время их написания неизвестно; не исключается, что они были написаны позднее, а их мишенями были А.П. Сумароков и М.В. Ломоносов.

¹⁹ См.: *Павленко*. 1999. С. 557 и др.

²⁰ *Герман*. 1866. С. 1362.

представила Вольтинского в глазах окружающих «...врагом рода человеческого», но и послужила формальным поводом к началу следствия над ним: не случайно в «Изображении о преступлениях» Вольтинского значится «оскорбление святости и безопасности государевых палат и покоев»²¹.

Суровость эпохи накладывала отпечаток на поведение человека. Хрестоматийная дубинка Петра I, испытать действие которой пришлось и Вольтинскому, тоже была в своем роде школой, научившей администраторов подобному обращению с нижестоящими. Каждый случай насилия, применяемого Вольтинским к подчиненным, может быть объяснен не только субъективными причинами, как, например, досада на «шутов» Мещерского и Тредиаковского за их насмешки над ним самим и его семьей, но и вполне «объективными»: ведь с точки зрения Артемия Петровича, каждая из его жертв, в чем-то провинилась по службе. Так, Ивинский посмел не поставить необходимые послу подводы, Мещерский имел упущения по провиантской части, а Тредиаковский (которого забыли поставить в известность) не явился вовремя к Вольтинскому для получения задания. Жестокость наказаний может быть объяснена не только темпераментом Артемия Петровича, но также и тем обстоятельством, что его жертвы имели несчастье попасть ему «под горячую руку». Тем не менее, на ум приходят строки известной басни — «у сильного всегда бессильный виноват...», и оправдывать Вольтинского мы не собираемся, тем более что другие аналогичные случаи рукоприкладства неоднократно имели место в его биографии²².

Жестокие расправы начальников с подчиненными в XVIII в. не были чем-то из ряда вон выходящим, но дело приобретало определенный резонанс лишь изредка, когда от побоев начальства погибал подчиненный²³. На счастье Артемия Петровича, все его жертвы остались живы. Однако даже в случае гибели человека в законодательстве того времени имелась лазейка. Петровский «Артикул воинский» был весьма снисходителен, предусматривая смягчение наказания за наступление

---

²¹ РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 24.

²² См., например, челобитную от рижского мещанина Петра Франца «об учиненных ему от ген.-майора Вольтинского самосильствах и в битве багожьем», поданную в Кабинет министров в мае 1735 г. (Сб. РИО. Т. 108. С. 191). Об избииении кабинет-министром А.П. Вольтинским яицкого атамана Меркульева и купца Панкрата Рюмина упоминает в своем доносе Андрей Яковлев (РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 220 Л. 4-4 об).

²³ Так, например, каширский воевода подполковник Я.Ф. Баскаков забил до смерти подьячего С.Ф. Емельянова, за что был отстранен от должности и казнен в 1739 г. Под суд попали воронежский вице-губернатор А.Д. Лукин (за убийство одноподворца Воронина) и белгородский губернатор И. Греков (за убийство подьячего П. Усачева). См.: *Курукин*. 2003. С. 250; *Павленко*. 2002. С. 166-169 и др.

смертного исхода при применении наказания к подчиненному. «Ежели случитца, что некоторый главный подчиненных своих за некоторые притчины захочет наказать, а такое в достойной и в должной ево чиновной ревности зло учинитца, что наказанной от того наказания умрет, то ведати надлежит, что оный главный по мнению правоучителей не живом, но жестоко имеет быть наказан, либо отставлением чина на время и службою рядовым, денежным штрафом, или заключением или вербованьем (набором)»²⁴. Таким образом, для оправдания своих действий, виновному необходимо было сослаться на служебные проступки жертвы или его неподчинение – «ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть».

Формально петровским уголовным законодательством за нанесение побоев предполагалось отсечение руки, а за убийство – смертная казнь. В реальности, чем выше виновный находился в служебной иерархии, тем проще ему было избежать наказания²⁵. Вызвать обидчика за оскорбление на дуэль пострадавший не мог – за это полагалась виселица, но мог обратиться с жалобой к вышестоящему начальству. Тот был обязан принять жалобу, но челобитчик должен был представить доказательства «что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинит, то и он наказан будет, равно как и другии»²⁶. «Маленький человек» сильно рисковал жаловаться на сильную персону, не заручившись поддержкой. В этих условиях комендант Андрей Ивинский обратился к казанскому губернатору П.С. Салтыкову, мичман Егор Мещерский – к руководству Адмиралтейской коллегии, а поэт Третьяковский не только к руководству Академии наук, но и к своим патронам-покровителям. Как видно из дел, реальную опасность для Волынского представляли жалобы мичмана и поэта, поскольку последние не только не были его подчиненными, но и обстоятельства дела не позволяли сослаться на «нужду и должность к Е.И.В. службе». Сыграла свою роль и позиция монарха: если Екатерина I оправдала Артемия Петровича, то Анна Иоанновна отдала его под суд.

Если случаи рукоприкладства хорошо согласуются с особенностями личности А.П. Волынского и подтверждаются документально, то

---

²⁴ См. Артикул воинский (1715 г.). Цит. по: Российское законодательство Х-ХХ вв. Т. 4. С. 356.

²⁵ На примере А.Д. Лукина и И. Грекова видно, что уже бригадирский чин был определенной гарантией того, что сурового наказания можно было избежать. С точки зрения следствия, убийства, вменяемые им были лишь малозначительными эпизодами на фоне невыполнения ими планов по сбору налогов и других должностных проступков.

²⁶ См. Артикул воинский... С. 353.

несколько иначе обстоит дело с обвинениями в воровстве и вымогательстве. Пожалуй, первое темное пятно в карьере Волинского появляется при исполнении им курьерских обязанностей во время Прутского похода. С Волинским пересылались не только письма, но и крупные денежные суммы, предназначенные для подкупа турецкого главнокомандующего. В общей сложности Петр I отправил 250 тысяч рублей; в его переписке с Шафировым прямо указывается на лиц, бывших инкассаторами: «Известная к вам посылка отправлена с ротмистром Волинским и Михаилом Бестужевым». Дорога была трудная и опасная: разъезды Карла XII и киевского воеводы Орлика стерегли русских гонцов. Семь бочек с «казной» прибыли в турецкий обоз к Шафирову с сорванными и помятыми ярлыками, комиссарскими, целовальничскими и государевыми печатями. Но суммы, означенные на этих бочках, различались с суммами, полученными в канцелярии Шафирова²⁷.

Так, 10 декабря 1711 года в турецкий обоз прибыла бочка с деньгами в фурмане Михаила Бестужева (сына генерала крикс-цалмейстера Петра Бестужева, выдававшего деньги). Вместо 2800 рублей было получено только 1800. Недостачу Волинский обнаружил еще при первичном осмотре, принимая деньги при отправлении. 10 января в канцелярию было сдано еще 2983 рубля вместо положенных 3000 (впрочем, не исключается и ошибка отправляющих: на одном мешке был ярлык 83 рубля), 11 января было сдано еще 2800 рублей вместо 3500. Таким образом, в трех бочках было выявлено 1717 рублей недостачи. О комиссарских ярлыках и печатях в той ведомости ничего не было написано²⁸.

22 января 1712 года по приказу государственного подканцлера, барона П.П. Шафирова оставшаяся казна была осмотрена для принятия в канцелярию. Некоторое время деньги не были под охраной шквдронного капрала Архипа Ласунского, т.к. принимающий шквдронец Глотов был болен. В бочке "S" было только 2500 рублей, хотя значилось в ней 2700, в бочке "ЛД" из 3000 рублей 1000 была отпущена якобы А.А. Вейде. В бочке "А.М." вместо 3000 рублей было 2700, в бочке "Е" из 2500 рублей отсутствовало 500. Всего в четырех бочках недосчитались 1900 рублей. При этом со всех бочек были сорваны или помяты печати, но принимающие не заявили о том в канцелярию. Заметим, что в некоторых других бочках оказалось сверх записи 200 рублей, таким образом общая недостача составила 3417 рублей²⁹.

²⁷ Турбин. 1872. С. 938.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 939-940.

Отметим также, что кроме одного источника, найденного в черновых бумагах фельдмаршала гр. Б.П. Шереметьева и опубликованного М.И. Семеvским в «Русской старине» (т. V за 1872 г.), других сведений о недочете не оказалось. Однако, в данном эпизоде не до конца понятно, явилась ли недостача халатностью отправляющих, или же имела место кража. В пользу первого предположения свидетельствуют «лишние» деньги, обнаруженные в бочках. Если же деньги были украдены, то, на наш взгляд, А.П. Волынский, как офицер, отвечавший за перевозку денег, не мог не знать, кто запускает руку в «государеву казну». Тем не менее, официального расследования данного происшествия не было, равно как и обвинений, выдвинутых в отношении Артемия Петровича.

Э. Герман (основываясь на донесении секретаря саксонского посольства Петцольда) обвиняет Волынского в том, что во время персидского посольства тот пустил слух, что Петр I собирается завоевать Иран. Дипломату якобы удалось убедить шаха, что именно от него зависит, «окончательно ли утвердится император в своем намерении или отложит исполнение оногo». В результате перепуганный шах обещал заплатить Волынскому 100 тыс. руб., но когда тот отправил несколько донесений Петру I, то персы успокоились, поняв, что Волынский не может воротить своих курьеров. Поэтому вместо обещанной суммы ему дали вексель на имя правителя Ширвана, который должен был расплатиться. Однако одновременно шах послал тайного гонца с приказом не платить, объяснив свой отказ недостатком денег. Такое коварство привело Волынского в бешенство, и он якобы решил отомстить персам, подтолкнув императора своими донесениями к войне³⁰. Представляется крайне сомнительным, чтобы Волынский мог пугать персов возможной войной с Россией за пять лет до Персидского похода, начавшегося после восстания афганцев. Скорее всего, слухи основывались на известиях о тяжбе с персидскими властями, не выделившими достаточно денег на прокорм посольства³¹.

Другим преступлением Волынского в Астрахани было похищение драгоценной ризы из местного монастыря, оцениваемой в 100 тыс. руб., и по преданию подаренной монастырю Иваном Грозным. Волынский попросил у настоятеля ризу, чтобы срисовать с нее рисунок, «ради ее редкости и старины». Получив требуемое и удовлетворив свой интерес, он вернул ее обратно в монастырь. Но спустя несколько дней, слуга Волынского, прежде приходивший за ризой, вновь появился в монастыре и потребовал ее от имени губернатора, под предлогом исправления неточностей в ри-

---

³⁰ Герман. 1866. С. 1354.

³¹ См.: Бушев. 1978. С. 13-14.

сунке. Однако через неделю риза не была возвращена. Когда архимандрит отправился к Волынскому, тот приказал бить палками своего слугу, но тот не признался ни в чем. Тогда Волынский обвинил недоумевающего настоятеля в похищении ризы и велел бить батогами и заковать в кандалы³².

Сомнительно, чтобы столь крупная кража не была упомянута в «Изображении о преступлениях» Волынского в 1740 г.³³ На наш взгляд, эта история представляет собой лишь гипертрофированный слух о «похищении» парчового церковного облачения дьякона в Казани (упоминаемого в доносе митрополита Сильвестра) с возможной путаницей в названии русских городов. При этом следует отметить тот факт, что приглянувшееся Волынскому ветхое парчовое облачение было подарено ему самим митрополитом, в обмен на новое³⁴.

Довольно странно выглядит, на наш взгляд, рассказ Германа о том, как Волынский «...лишил жизни и имущества купца Турчинова... основателя больших железных заводов и фабрик поблизости от Казани», обеспечивавшего работой несколько тысяч человек. Волынский потребовал от него 20 тыс. руб.; тот не мог или не хотел выделить ему такую значительную сумму. Тогда Волынский обвинил его в том, что он не выполняет свои обязательства перед казной, которая терпит из-за этого большие убытки. В результате Волынскому было поручено произвести следствие. Губернатор, захватив тайно купца, поместил его в один из подвалов своего московского дома, сделав все возможное, чтобы тот признался в преступлениях, которых не совершал, и уплатил требуемую сумму. Турчинов, сидя в темнице, сообщил о своем положении П.И. Ягужинскому, но тот, будучи в опале, был вскоре отослан в Берлин. Волынский же заявил, что только точно выполнял возложенные на него обязанности. В результате ему удалось получить требуемую сумму, после чего он отпустил купца. Опасаясь, что его вымогательство будет раскрыто, он отравил свою жертву. Сын Турчинова, узнав о судьбе отца, умер от страха. В итоге, фабрики Турчинова, прежде приносившие доход казне в 30000 рублей, пришли в полный упадок, и казна стала получать не более 5 тысяч³⁵.

Эта история кажется маловероятной. Во-первых, купец и промышленник с такой фамилией нам неизвестен (возможно, имеется в виду откупщик Турчанинов, расследование против которого вел Волынский). Во-вторых, «значительные железные заводы и фабрики» поблизо-

---

³² Герман. 1866. С. 1354.

³³ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208. 22-33 об.

³⁴ См.: Дело Салникова // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 3. С. 78-79.

³⁵ Герман. 1866. С. 1355-1357.

сти от Казани в то время видимо не существовали. Во всяком случае, среди предприятий Казанской губернии в книге И.К. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства» описываются только три казенных серных завода, и два «компанейских» медеплавильных завода³⁶. В-третьих, сама история о вмешательстве в судьбу Турчинова «проходившего мимо темницы» Ягужинского и стремлении Волынского уничтожить следы своего преступления кажется фантастичной. В то же время, упоминание в этой истории Ягужинского, злейшего врага Волынского, и в свою очередь, достаточно нечистоплотного человека, наводит на мысль, что данное известие имеет под собой какие-то реальные интриги. Следствие комиссии по делу «о беспорядках и злоупотреблениях по таможенным и кабацким сборам в Соликамской провинции» продолжалось в течение двух лет (с января 1732 по март 1733 г.). По именному указу Турчанинов был отпущен после получения письменного поручительства Строгановых в платеже 37000 руб.³⁷ Необходимо учитывать и то обстоятельство, что немецкий историк в качестве источника для своей работы использует донесение саксонского дипломата, который в свою очередь излагал со слов своих знакомых сплетни и слухи о событиях, якобы имевших место минимум за 10 лет. В то же время, в следственном деле Волынского нет ни намека на эту историю, хотя, если бы Волынский и позволил себе преступить закон, при его аресте в 1740 г. ему бы обязательно это припомнили. Также не было ничего известно об этом доверенному человеку Волынского Василию Кубанцу, который выступил ключевым свидетелем против своего господина на процессе.

Авторы биографических исследований об А.П. Волынском не упоминают о выдвигении обвинений против него в 1730-е гг. когда наш герой добился успеха на служебном поприще. Однако, согласно донесениям иностранных дипломатов, отдельные преступления Волынского стали достоянием общества в 1740 г., всплыв в ходе следствия. Так, по уверению саксонского посланника Сума, по управлению одними конными заводами, состоявшими из 15.000 лошадей, на Волынском оказался недочет в 700000 рублей. Доносчик, некий офицер родом из Дании, якобы подтвердил свое показание свидетельством 1100 человек, которые все дали в том присягу³⁸. Такое обвинение, на первый взгляд, не имеет под собой никакого основания: получается, что Волынский украл боль-

³⁶ Кириллов. 1977. С. 215.

³⁷ Бумаги Кабинета министров... 1731–1740 // Сб-к РИО Т. 104. С. 113, С. 294, С. 428, С. 461; Сб-к РИО. Т. 106. С. 229.

³⁸ Герман. 1866. С. 1364.

ше денег, чем было отпущено (в год отпускалось по 50 тысяч рублей). В период следствия над Волинским, в числе прочих обиженных кабинет-министром подал челобитную и «датской нации» капитан Крейдер³⁹. Как надзиратель над конскими заводами он «...усмотрел многие бессовестные и высочайшие Ея Императорского Величества интересу противные от конюшенной канцелярии и от членов оной поступки, о чем он и рапортовал, на что получил он по прошению Волинского в 1735-м году из Кабинета Ея Императорского Величества указ за подписанием тогдашних господ кабинетных министров о определении для исследования того дела комиссии в которую он о злостных от членов конюшенной канцелярии поступках больше ста пунктов подал и директору оной Волинскому доносил...»⁴⁰. Однако Волинский оставил рапорты Крейдера без внимания; тогда он подал свой рапорт в Кабинет. В свою очередь Волинский представлял в Кабинете, что «...оный Крейдер при конских заводах необычаен, и чтоб его Крейдера от конюшенной службы отставить и определить по его Крейдера прошению в армейскую службу...»⁴¹. Тем не менее, при следствии в 1736 г. все «непорядки», показанные Крейдером, подтвердились, а 38 конюшенных служителей под присягой показали, что «...оного Крейдера пьяным образом во отправлении дела своего никогда они не видали, и на конюшне оной Крейдер был денно и ночью и Ея Императорского Величества служб и в интересе был он Крейдер рачителен, и содержал себя порядочно, и никаких его Крейдера непорядком Ея Императорского Величества дело непренебрежено...»⁴². В результате, на виновных в беспорядках служащих Конюшенной канцелярии были наложены различные наказания, в том числе на самого Волинского штраф в 2000 рублей; Крейдеру, пострадавшему от побоев недобросовестных служащих, было приказано выдать 200 рублей «бесчестья ради», взыскав их с виновных. Тем не менее, в течение 3 лет Волинскому удавалось благополучно тормозить исполнение принятых решений, а когда капитан в очередной раз обратился в Кабинет, Волинский, к тому времени ставший кабинет-министром, при встрече с ним вслух пожалел, что тому в свое время не сломали шею и ноги⁴³.

В 1731 г. бывший казанский губернатор А.П. Волинский оказался под следствием по обвинениям в различных вымогательствах с купцов и

---

³⁹ РГАДА Ф. 6 Д. 232 Л. 10-11.

⁴⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 24.

⁴² Там же. Л. 24.

⁴³ Там же. Л. 8-8 об.

«инородцев» Казанской губернии. Через своего дворецкого Василия Кубанца он собирал неофициальные подати в свою пользу. Так, с каждой «души» кроме государственных сборов бралось еще по несколько копеек в пользу губернатора; взимались также штрафные деньги, с пропущенных в ревизских списках; с татар взимались поборы за увольнение от корабельных работ (хотя по именному указу они были от них освобождены) и «толмаческой повинности» в Персии (а губернатор доносил в Петербург что они к ней неспособны). Всего Волынский собрал с инородцев 14000 рублей. Неудивительно, что в своих челобитных последние писали: «...с начала подданства нашего под Российскую державу ни отцы, ни деды, ни прадеды наши такого разорения не терпели». Волынский пробовал припугнуть челобитчиков, заявив им, что они «тех денег на нем в три года не сыщут». После, он приказал одному из своих дворовых написать за них челобитную, в которой те отказывались от своих обвинений⁴⁴. Тем не менее, следствие нашло новые поборы Волынского. Перепуганный не на шутку губернатор, решается на крайний шаг, «обычный прием подследственных», по характеристике Ю.В. Готье — «...потерпев неудачу и прижатые к стене, они винулись в надежде получить прощение, в чем иногда преуспевали...». Реакция последовала немедленно: «понеже г.-м. Арт. Волынский нам самим всеподданнейше подал на письме повинную в разных взятках, которые он брал в бытность его в Казани губернатором, и в том нашего прощения просил, того ради мы в тех от него самого объявленных взятках его всемилостивейше прощаем и указали оного из-под аресту освободить»⁴⁵. Тем не менее, то обстоятельство, что он принес повинную «только в трех тысячах» по мысли доносителя Андрея Яковлева должно было начать новое следствие⁴⁶. Обвинение в «...самовластном с подданных Ея Императорского Величества немалом денежном зборе и о взятке тех денег себе...» находим мы в официальном «Изображении о преступлениях», там же (п. 52) находится обвинение в том, что Волынский уничтожил свое следственное дело через ассессора Самойлова⁴⁷.

В период следствия над Волынским в 1740 г., решающее значение приобрело дело «о взятии 500 руб. казенных денег из Конюшенной канцелярии дворецким Василием Кубанцем на нужды своего господина». Формальным поводом к началу следствия послужили доносы бывшего

⁴⁴ См.: Дело Салникоева // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 3. С. 118-120.

⁴⁵ Готье. Т. 2. 1941. С. 67.

⁴⁶ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 9 об.

⁴⁷ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 208 Л. 23 об., Л. 33

кабинет-секретаря Андрея Яковлева, сообщившего ряд компрометирующих Волинского сведений⁴⁸.

Суть дела заключается в следующем. В 1737 г. перед отъездом Волинского на конгресс в Немиров служащим Конюшенной канцелярии прапорщиком Насакиным было выдано 500 руб. дворецкому Василию Кубанцу. Выдача денег не была зафиксирована в «шнуровых книгах», что дало право Волинскому привлечь прапорщика к суду; сам Волинский получение денег отрицал. При следствии Насакин показал, что шнуровых книг на тот момент он не имел и получил их от секретаря Муромцова спустя 2 месяца. Когда Тайная канцелярия попробовала допросить секретаря и Кубанца, Волинский их не выдал⁴⁹. Как показало следствие, Волинский регулярно брал казенные деньги (суммы от 100 до 1000 руб.) под расписку, возвращая через несколько месяцев⁵⁰. Видимо, Волинский постарался воспользоваться неразберихой, и присвоил себе эти деньги, а свалив вину на Насакина, он выгородил «своих» Кубанца и Муромцева. Тем не менее, в апреле 1740 г. ген. А.И. Ушаков объявил, что «о том деле изволит быть известна Ея Императорское Величество и затем по тому пункту [доноса Яковлева – *Н.К.*] рассуждения не было»⁵¹.

Главным же итогом следствия по делу «о казенных 500 рублях» был арест Василия Кубанца, давшего показания не только по уголовным преступлениям своего господина, но, в первую очередь по политическим. Именно этот обвиняемый, ставший свидетелем, сыграл роковую роль в процессе Волинского. Официального же расследования пропажи не проводилось⁵², а позднее Кубанец и Муромцев были амнистированы⁵³.

Уголовное законодательство XVIII в. сурово карало преступления против собственности: за кражу, совершенную при отягчающих обстоятельствах, предусматривалась смертная казнь. Воинский артикул предусматривал ответственность и за недонесение о фактах служебного под-

---

⁴⁸ См. донос Яковлева: РГАДА Ф. 6 Д. 220. Дело «о казенных 500 рублях»: РГАДА Ф. 6 Д. 254.

⁴⁹ РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 11–11 об., Д. 254 Л. 1-2.

⁵⁰ Там же. Д. 220 Л. 77

⁵¹ РГАДА Ф. 6 Д. 254 Л. 2.

⁵² «По журналу учрежденной следственной о Волинском комиссии июля 14 дня 1740 году велено: О данных прапорщиком Насакиным на собственные Волинского нужды казенных *денгах* 500 рублях, *произвождением* в комиссии оставить, и с нерешенными не числить, понеже как за таковые *ево* Волинского непорядки, так и за наиважнейшие преступления ему Волинскому смертная казнь учинена». См.: РГАДА Ф. 6 Д. 254 Л. 2об.

⁵³ Муромцев был предварительно наказан батогами за недонесение. См.: Записка об Артемии Волинском... С.167-168.

лога, о неправильных записях в расходных книгах⁵⁴. Казнокрадство в петровскую эпоху считалось настолько важным преступлением, что именным указом Петра I предписывалось доносить лично монарху «о похищении казны» как и о политических преступлениях⁵⁵. Это объясняет, почему обвинения в подобных преступлениях для лиц, состоявших на государственной службе, были весьма серьезными.

Однако в случае с Волынским следует отличать реальные обвинения от голословных. Наиболее «громкие» преступления известны лишь со слов саксонских дипломатов, о достоверности и надежности которых упоминалось выше. В официальное обвинительное заключение вошли только эпизод с похищением казенных 500 рублей в 1737 г. и уничтожение следственного дела о вымогательстве взяток с инородцев Казанской губернии⁵⁶. С другой стороны, официальное обвинение в похищении драгоценной ризы (стоимостью если не в 100 тыс. рублей, а хотя бы в тысячу) усилило бы эффект от «бессовестных» преступлений кабинет-министра. Аналогично обществом были бы восприняты обвинения в развязывании войны после неудачного вымогательства денег у персидского шаха. Таким образом, славе «вора и вымогателя» Артемий Петрович обязан исключительно своим доброжелателям, приукрасившим его преступления. В некоторых преступлениях роль в них Волынского нам до конца непонятна. Так, причастность его к похищению казны в 1711 г. и 1737 г. вызывает сомнение. В первом случае официального расследования не проводилось, сам Артемий Петрович до 1713 г. находился в турецком плену, после чего был повышен в чине до подполковника⁵⁷. В случае же с казенными 500 рублями Волынский, на наш взгляд, непричастен напрямую к их похищению, но приложил усилия для того, чтобы спасти от суда своих доверенных лиц. Однако при следствии в 1740 г. Кубанец и Муромцев дали показания на своего патрона как организатора хищений, а сами избежали наказания. В деле капитана Крейдера Волынский выступает не как расхититель денежных средств, а как руководитель, стремящийся скрыть непорядки во вверенном ему учреждении, тем более что для успешной карьеры это было жизненно необходимо. Так же можно расценивать и его стремление обелить себя, уничтожив

---

⁵⁴ См.: Российское законодательство... Т. 4. С. 362.

⁵⁵ Указ от 25 января 1715 г. См.: ПСЗ Т. V. №2877.

⁵⁶ См. пп. 48 и 52 «Изображения о государственных безбожных таких преступлениях и злодейственных воровских замыслах Артемья Волынского»: РГАДА. Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 32 об.-33.

⁵⁷ См.: Артемий Петрович Волынский (материалы для его биографии). С. 935.

после официальной повинной свое следственное дело. Снимать ответственность за подобные преступные действия с Волинского нельзя, однако речь здесь идет не о казнокрадстве.

Что же касается практики служебных злоупотреблений, то вплоть до 60-70-х гг. XIX в., по оценкам С.А. Эжштута, к ним «...общественное мнение было более терпимо. Репутацию чиновника могло безнадежно испортить только неприкрытое лихоимство, мздоимство же считалось в порядке вещей»⁵⁸. Артемий Петрович не являлся исключением среди русских администраторов, используя к своей выгоде властный ресурс уже на посту астраханского губернатора. Особенно не сложились у него отношения с местным духовенством. Так, Артемий Петрович насильно взял в Троицком монастыре каменные кельи, где жили старцы, поместил в них канцелярии, велел взять шесть келий кладовых и положил в них свою кладь, приказал сломать монастырские каменные ворота, караульную каменную келью, деревянную конюшню и разбросать монастырские оградные заборы, отрезал монастырскую землю под площадь. Много жалоб поступало в Синод на губернатора и по поводу его покровительства другим конфессиям (скорее всего это служило еще одним источником дохода молодого администратора)⁵⁹.

На новом месте, в Казани, подобная история повторяется, но в других масштабах. Одной из причин конфликта с митрополитом Сильвестром были «обиды» архиерейскому дому и духовным лицам. Так, со слов митрополита, Волинский отнял землю, принадлежавшую архиерейскому дому; материал, приготовленный для построек, взял себе и употребил на постройку своего дома; в архиерейском саду и огороде травил собаками волков и зайцев, молодые деревья выкопал и перенес к себе на загородный двор; дьякона и двух церковнослужителей велел отстегать до полусмерти; велел избить архиерейского домового иконописца и духовной школы «авдигатора»; увидав, во время крестного хода на одном дьяконе стихарь из персидской золотой парчи, велел принести его к себе, распорол, парчу оставил у себя, а оплечье отправил обратно; заставлял работать на себя архиерейских мастеровых людей; потворствовал раскольникам; летом и зимой ездил с многолюдной псовой охотой, топча архиерейский и монастырский хлеб, ночуя по их деревням, разоряя крестьян и т.д. и т.п.⁶⁰ Вместе с тем доносам Сильвестра не стоит доверять полностью. Как справедливо указывал в одном из оправдательных писем

⁵⁸ Эжштут. 2006. С. 42.

⁵⁹ Соловьев. 1993. С. 562; Барсов. 1877. С. 92.

⁶⁰ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 230.

Волынский, митрополит написал их лишь после назначения губернатора следователем по делу, виновным в котором оказывался сам архиерей⁶¹.

Благодаря доносам вышеупомянутого Андрея Яковлева и показаниям дворецкого Василия Кубанца, в 1740 г. при следствии вскрылись самые различные прегрешения Волынского, начиная от взятых казенных «щуговых шор» и «хомутов наборных» и заканчивая взятками в особо крупных размерах. Например, Волынский обещал «держат в своей милости» каширского воеводу Якова Баскакова, убившего подьячего Степана Емельянова. Несмотря на это получение сановником крепостного письма в 1 тыс. руб. воевода-убийца был казнен⁶². «Обнадеживал» Волынский и симбирских купцов Герасима Глазова с товарищи, которые попались на том, что вместо выплаты 25000 руб. «на общую городовую пользу» собирали деньги с горожан, отговариваясь бедностью. Естественно, «для того чтоб оной Волынской по делу к ним был благосклонен» «бедные» купцы поднесли ему на Пасху 1739 г. три куса парчи и 2 бочки вина. Сам Волынский передавал им после через секретаря Муромцева «чтоб при людех к нему не ходили»; интересно, что Волынский после визита купцов пожелал ознакомиться с экстрактом из их дела, а в беседе с обер-прокурором Соймоновым, узнав, в чем они замешаны, сказал «надобно их необидеть». Интересно, что купцы вышли на Волынского через посредничество Василия Кубанца и секретаря Волынского Василия Гладкова, которые и закупали подарки Волынскому, получив на расходы 4000 руб., а израсходовав меньше 1000⁶³. Кроме Волынского «подарки» от купцов получили также П.И. Мусин-Пушкин, В.Я. Новосильцев и П.П. Шафиров; впрочем, следствие против купцов продолжало идти своим ходом⁶⁴.

Более интересны факты использования для личных нужд Волынского чиновников и солдат. Так, несколько чиновников конюшенной канцелярии фактически работали на Волынского: советник Александр Наумов надзирал за московским домом и лошадьми Волынского, ассессор Василий Десятов ведал деревнями и московским домом племянницы своего начальника — Елены Васильевны Волынской. Сам Волынский выписывал последнему фиктивные поручения в Москве, чтобы избавить его от поездок. Различные частные поручения Волынского регулярно выполнял и ассессор Петр Богданов⁶⁵. Волынский взял к себе 6 солдат денщиками с

---

⁶¹ См.: Письмо А.П. Волынского С.А. Салтыкову 30 июня 1730 г.

⁶² РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 81 об.

⁶³ Там же. Л. 74–76.

⁶⁴ Там же. Л. 76.

⁶⁵ Там же. Л. 79 об.–80.

помощью чиновников военной коллегии, в частности Степана Игнатъева, которые «числили» этих денщиков солдатами; гарнизонного писаря Ерохина держал при себе для своих услуг, а жалованье платил ему как копиисту конюшенной канцелярии (50 рублей в год). С помощью того же Степана Игнатъева Волинский получил гарнизонных столяров для своих услуг на 6 месяцев, пуг вороных лошадей в обмен на присланные тому припасы. Не без помощи кабинет-министра Игнатъев был пожалован генерал-лейтенантом. «Дружба» продолжалась до опалы Волинского⁶⁶.

На казенные деньги (больше 2300 руб.) Волинским был куплен у карлы Луки Честихина возле своего двора через переулоч двор с каменным и деревянным строением. Деревянное строение было вывезено (после покупки) и поставлено в роще возле его загородного двора. Переулоч между дворами Волинский «присовокупил», обустроился. Повидимому, деньги были взяты заимообразно, так как главное, что ему ставится в вину – отсутствие разрешения на покупку двора, а пристройка учинена без указа Е.И.В., «по одному своевольному оною Волинского намерению чтоб по постройке всего оной двор достать ему честь»⁶⁷.

Петровское законодательство сурово карало взяточничество в любой форме, предусматривая конфискацию имущества, «жестокое» телесное наказание, шельмование или даже смертную казнь⁶⁸. После смерти Петра ситуация формально не изменилась. Несмотря на то, что при Екатерине I из-за хронической нехватки денежных средств канцелярским служителям разрешили принимать от просителей подношения, данная норма не распространялась на классовых чиновников, а взяточничество (тем более вымогательство) по-прежнему уголовно преследовалось⁶⁹. Впрочем, преемники Петра более снисходительно относились к взяточникам из своего окружения. Так, по делу Волинского был допрошен его близкий знакомый сенатор В.Я. Новосильцев, который признался в получении дорогих подарков (сам он их взятками не считал), но поскольку в «заговоре» кабинет-министра он не участвовал, то был прощен императрицей⁷⁰.

Что касается использования Волинским для своих «партикулярных» нужд солдат и чиновников, то законодательство запрещало только неоплачиваемую работу солдат на офицеров, или исполнение ими поручений, «которые к службе солдатской непристойны». Офицер мог по-

---

⁶⁶ Там же. Л. 80-81.

⁶⁷ Там же. Л. 83.

⁶⁸ Указ от 24 декабря 1714 г. См.: ПСЗ Т. V. №2871.

⁶⁹ Указ от 23 мая 1726 г. См.: ПСЗ Т. VI. №4889.

⁷⁰ См.: «Записка об Артемии Волинском ...» С. 159.

просить солдат о работе на себя только как об услуге – «ради малой и легкой помощи пособления», доложив об этом своему руководству. Как гласило толкование к артикулу 53, «...команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколько его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить»⁷¹. В случае офицерского произвола солдат должен был выполнить распоряжение командира, но после объявить об этом судебным властям. Вопрос о том, насколько выгодней для солдата была работа в офицерском хозяйстве, чем обычная служба, остается открытым. Поставить же в вину Волынскому выполнение чиновниками его частных поручений было нельзя: те делали это добровольно. С другой стороны, подобное нецелевое использование квалифицированных кадров необходимо было доказать, равно как и факты фиктивных командировок и заданий. Сделать это было можно, но... не нужно после казни кабинет-министра⁷².

Оценивая обстоятельства, толкнувшие Волынского на различные служебные злоупотребления, необходимо учитывать не только привычку кормиться от дел чиновников XVIII века, но и его имущественное положение. Волынский считался богатым помещиком, получал большое жалование, но его постоянно преследовали долги, о некоторых из которых, он напишет, в 1739 г. в «Приложении о причинах долгов и прочих убыточных приключений». Так, упоминая о том, что во время посольства в Персию он не дополучил с персидских властей 57000 руб., он заявляет, что был вынужден занять у русских купцов около 10000 руб., «...которых, прибыв сюда, больше половины заплатил своими деньгами...»⁷³. Участие в войне за утверждение на престоле Речи Посполитой Августа III стоило по подсчетам Волынского ему более 2000 рублей⁷⁴.

«Доброжелатели» Волынского также старались «помочь» ему справиться с его долгами. Так, Волынский рассказывает, как, решившись осесть в Москве, построил там дом, надеясь в несколько лет рассчитаться с долгами, т.к. благодаря «столовым запасам» из деревень жизнь в Москве была гораздо дешевле жизни в Петербурге. Однако, переехав по делам службы в Санкт-Петербург, он был вынужден построить «по тогдашней моей пропорции» деревянный дом. Но по проискам своего вра-

---

⁷¹ См.: Российское законодательство... Т. 4. С. 338.

⁷² Всех чиновников, замешанных в деле Волынского, отпустили сразу после казни главных фигурантов или амнистировали до конца 1740 г. См.: «Записка об Артемии Волынском...» С. 169.

⁷³ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 276 Л. 88 об.

⁷⁴ Там же. Л. 89 об.

га Павла Ягужинского, он был вынужден «построить в 7000 руб. слишком и каменный дом»⁷⁵. Естественно, такие чрезвычайные расходы не могло покрыть ни жалование генерал-майора в 1080 руб., ни жалованье генерал-лейтенанта, ни жалование обер-егермейстера в 4000 руб., ни кабинет-министра в 6000 руб., тем более, что каждое служебное повышение требовало нового уровня расходов.

Волынский был вынужден занимать деньги, в том числе прося выдать ему «жалование наперед». Например, он дважды – в марте и мае 1739 г. – обращается с всеподданнейшим прошением к Анне Иоанновне, прося выдать ему 2 и 4 тыс. руб. Таким образом годовое жалование кабинет-министра было израсходовано на придворные торжества по случаю бракосочетания принцессы Анны Леопольдовны⁷⁶. В апреле 1736 г. именным указом Волынскому было пожаловано в долг на пять лет 5 тыс. руб. из Соляной конторы⁷⁷. 21 мая 1737 г. именным указом «в награждение» Волынскому было пожаловано 1000 руб. из наличных денег конюшенной канцелярии, «остаточных за годовыми расходами»⁷⁸. Тем не менее, это явно не спасало положения, и в числе писем, поданных летом 1739 г. Волынский обращается к Анне Иоанновне с «Приложением о причинах долгов и прочих убыточных приключений». Во многом благодаря этому прошению, 6 марта 1740 г. Волынскому было пожаловано 20 тыс. руб. в честь заключения мира с Турцией⁷⁹. Однако денег этих он получить не успел, и после его казни следственная комиссия насчитала на нем 3692 руб. 46 коп. долгов разным лицам⁸⁰.

Подводя итог, отметим, что тема преступлений и различных «прегрешений» Волынского всегда вызывала у его биографов затруднения. «Классическим» стало мнение, что Волынский жил в переходную эпоху, когда веяния Запада прививались на старомосковскую почву, и потому европейская образованность зачастую уживалась с привычкой «кормиться от дел», а мысли о благе Родины расходились с деятельностью на ее благо... Неполный перечень деятелей первой половины XVIII в., казалось бы, подтверждает справедливость подобных утверждений: А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, Д.М. Голицын, А.П. Бестужев-Рюмин оказались под следствием по обвинению в различных злоупотре-

---

⁷⁵ Там же. Л. 90.

⁷⁶ См.: Сб-к РИО Т. 126. С. 273, 446.

⁷⁷ См. копию с указа в бумагах А.П. Волынского: РГАДА. Ф. 6 Оп. 1. Д. 276. Ч. 1. Л. 76.

⁷⁸ См.: Материалы для биографии А.П. Волынского. С. 279.

⁷⁹ См.: Сб-к РИО Т. 138 С. 177.

⁸⁰ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1. Д. 228. Л. 51-52 об.

треблениях и подверглись наказанию⁸¹. Однако, масштабы злоупотреблений Артемия Петровича не идут ни в какое сравнение с казнокрадством Меншикова; вспыльчивость Волынского сравнима с взрывным характером Шафирова; размеры взяток, которые получал канцлер Бестужев-Рюмин от английского правительства были известны всем его современникам. Почему же именно Волынский прославился как вор, истязатель, взяточник и вымогатель?

На наш взгляд, самый резонансный политический процесс царствования Анны Иоанновны – дело Волынского – чрезмерно шокировал современников. «Доброжелатели» опального кабинет-министра в условиях информационного вакуума могли смело рассказывать страшные истории о делах злодея-Волынского. Наиболее доверчивыми слушателями стали иностранные дипломаты, а через 100 лет Э. Герман вдохнул в эти истории новую жизнь. Что же касается наших соотечественников, то реабилитация Волынского произошла только 30 лет спустя после этих событий, когда выросло уже новое поколение людей.

Характерен застольный разговор у великого князя Павла Петровича: «...Зашла речь о покойном Волынском, который казнен во владение государыни императрицы Анны Иоанновны. Его превосходительство Никита Иванович [Панин] изволил сказывать, что он недавно читал оное дело и чуть его паралич не убил. Такие мучения претерпел несчастный Волынской и так очевидна его невинность! На сие зачали описывать, какой негодной человек был Волынской и какого зверского нраву. Никита Иванович, хотя признавал, что он был человек свирепый и жестокосердый в партикулярной жизни; однако говорил при том, что имел многие достоинства в жизни публичной, был разумен, в делах весьма знающ, расторопен, бескорыстен, верный сын отечества. Невзирая на сие, еще раза два старание приложено бедного Волынского с худой стороны представить. Великий Князь во все сие вслушивался. Я не мог удержаться, чтоб прямо к нему адресуя речь не сказать, что как всякий человек не без греха, так и Волынский конечно имел пороки, но такие, за которые нигде жизни не лишают, и что несправедное мучение над ним учиненное и жестокая ему казнь должны более возбуждать соболезнование, нежели воспоминание о слабостях его нраву. По сем заведена речь, как жестоки и страшны были времена при государе Петре Великом»⁸².

---

⁸¹ См. напр., *Павленко*. 1999.

⁸² *Порошин*. 1844. С. 74-75.

Словом, тема прегрешений кабинет-министра на долгие годы стала неактуальной: публику меньше всего волновали какие именно преступления тот совершил в действительности. Вершина идеализации образа Вольтинского была достигнута в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом», после чего для русских читателей неприятным открытием стали опубликованные в середине XIX века документы и исследования о Вольтинском. Контраст был настолько разительным, картины преступлений настолько яркими, что коррупционный ореол стал непрременным атрибутом исторического портрета нашего героя.

С другой стороны, коррупция не является отличительной чертой переходной эпохи. Историки XIX века, очевидно, не желали видеть окружающую действительность или были вынуждены молчать о ней по соображениям цензуры. Коррупционные скандалы сотрясали Россию и в XIX в., и в XX в., часто преступления чиновников становятся известными и в наши дни. При этом характерно, что обвинения в злоупотреблении служебным положением были и остаются стереотипным средством избавления от соперников в борьбе за место под солнцем, всплывая при многих знаменитых опалах и отставках⁸³. Неслучайно Вольтинский, заслуживавший за свои поступки сурового наказания (возможно даже виселицы), был обезглавлен не за них, а за свои неосторожные слова в адрес Анны Иоанновны, Э.И. Бирона и А.И. Остермана, давшие более удобный повод расправиться с ним.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 6. Оп. 1. Д. 208.
Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов; Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., Юридическая литература, 1985-1986.
РГАДА Ф. 6. Оп. 1. Д. 220; Д. 254; Д. 276 Ч. 1.
Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг., изданные под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев, 1898–1915. Т. 1-12 // Сборник имп. Русского исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.
Дело архимандрита казанского Спасского монастыря Ионы Салникова из первой половины XVIII века // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее ЧОИДР). 1868. Кн. 3. С. 1-125.

---

⁸³Ссылка А.Д. Меншикова не была оформлена обвинением в конкретных преступлениях, но ранее светлейшего князя спасало только монаршее помилование и прощение. Официальным поводом к устранению П.П. Шафирова и Д.М. Голицына были обвинения в коррупции. Следствие не сумело доказать измену и другие преступления А.П. Бестужева-Рюмина, и тот был сослан по обвинению в оскорблении Е.И.В. См.: Павленко. 2002. С. 137, 546, 708.

- Записка об Артемии Волынском // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. 2, апрель-июнь 1858.
- Из переписки А.П. Волынского // Памятники новой русской истории. Сб. статей и исторических материалов, изд. В. Кашпиревым. СПб., 1872. Т. 2. С. 195-249.
- Материалы для биографии А.П. Волынского // Старина и новизна. 1903. Кн. 6. С. 243-292.
- Письмо А.П. Волынского С.А. Салтыкову 30 июня 1730 г. // Памятники новой русской истории / изд. В. Кашпиревым. Т. 2. СПб., 1872.
- Барсов Н.И. К биографии А.П. Волынского // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. № 5.
- Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. № 7. С. 1351-1373.
- Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. В 2-х тт. М.-Л., 1940-1941.
- Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977.
- Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // ДИНР. 1876. № 1. С. 84-96; ДИНР. 1877. № 1. С. 84-96; № 3. С. 289-302; № 5. С. 23-38; № 6. С. 98-114; № 7. С. 214-234; № 8. С. 277-295; № 11. 224-254.
- Курюкин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России / Сер.: Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 6. Рязань, 2003. 570 с.
- Павленко Н.И. Анна Иоанновна. (Немцы при дворе). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
- Павленко Н.И. Вокруг трона. М.: Мысль, 1999. 864 с.
- Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского. СПб., 1844.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1993.
- Третьяковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. 676 с. (Серия «Литературные памятники»).
- Турбин С.И. Артемий Петрович Волынский (материалы для его биографии. 1711–1718) // Русская старина. Т. 5. СПб., январь-июнь 1872.
- Шишкин, Иакинф. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // Отечественные записки. Т. 128, 129, 130. Ч. 1-4. СПб., 1860.
- Экштут С.А. Мзда не лихва: Безгрешные доходы как феномен русской истории // Родина. 2006. № 8. С. 42–47.
- Ярош К.В. А.П. Волынский // Наблюдатель, 1893. № 11. С. 57-76.
- Крючков Николай Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета
n.n._kryuchkov@mail.ru